

Ивана IV согласие посадить на казанский престол хана Шигалея, а Сумбеку с сыном вывезти в Москву. 11 августа 1551 года последняя казанская царица была отправлена в Свияжск. Шигалей и русские воеводы послали привезти Сумбеку с сыном князя Петра Семеновича Серебряного, который и встретил их «на Казанском устье». 12 августа князь Петр Серебряный повез пленников в Москву, куда прибыл 5 сентября 1551 года. На другой день после отправления Сумбеки из Казани, т. е. 13 августа, Шигалей в третий раз вступил на казанский престол.

Почему автору «Казанской истории» понадобилось ввести в рассказ об изгнании Сумбеки с сыном из Казани вымышленный эпизод с отравленной пищей и одеждой? Что вынудило самих казанцев выдать Сумбеку московскому правительству? Почему автор «Казанской истории» не описал действительный ход исторических событий и его рассказ так разнится от рассказа об этом же событии официального летописца Ивана Грозного?

Нам кажется не случайным то, что в челобитной, поданной московскому правительству от имени казанского народа, наряду с выдачей Сумбеки с сыном предлагается выдача московскому правительству «крымцев достальных и дети их». Можно полагать, что крымцы и Сумбека были обвинены в чем-то очень серьезном, если только при условии их выдачи Иван Грозный мог согласиться на мирные переговоры. Есть основания думать, что этим общим делом Сумбеки и крымцев была связь Казани с Турцией в надежде получить от нее помощь для борьбы с Русским государством.

Сказочный эпизод с отравленной пищей и одеждой в «Казанской истории» сделал Сумбеку виноватой только по отношению к Шигалею. и он, а не казанцы, изгоняет ее из пределов казанского царства.

Обратимся теперь к описанию изгнания Сумбеки из Казани в главе «Казанской истории» «О изведении царицы с сыном ея из Казани и о плачи ея».

Сумбека не знала, что ей предстоит ехать в Москву: «царице же не сведавше изымании своего: аще бы сведала, то бы сама ся убила». Она сидела в «превысоких светлицах», когда к ней по приказу Шигалея пришел московский воевода «князь Василий Серебряный и с ним вси 3000 вооруженных, 1000 огненных стрелцов».¹ С этой громадной военной силой Василий Серебряный вошел в Казань, чтобы взять «царицу со царевичем ея». С почтением русский воевода сообщил Сумбеке: «Поимана еси, волная царица казанская», на что Сумбека «умилно с тихостию» ответила «варварским языком»: «буди воля божия и самодержжеца московского»; потом она «заразися о руки рабынь, поддерживающих ю, и пусти глас свой с великим плачем и подвизающе с собою на плач и то бездушное камение».² Вокруг нее рыдали «честные жены и красныя девица», «и велможи, и властители, и вси царьсти отроци. И слышавше плач той и стекахуся народ ко цареву двору и тако же плакахуся, и кричаху неутешно, хотяху воеводу жива поглотити, аще бы мощно и воля, его камением побити».³ Приближенные Сумбеки, «ея старейши воеводы и вельможи», умоляют Серебряного «мало помедлить» с увозом царицы из Казани. Посоветовавшись с Шигалеем, Василий Серебряный «дал ей 10 дней пребыти в полатех своих, за крепкими стражами, да не убьет сама себе, и дав ее беречи велможам казанским, и сам почасту

¹ Казанская история, стр. 97.

² Там же.

³ Там же, стр. 97—98.